

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗЕРКАЛАХ “НАУЧНЫХ КАРТИН МИРА”: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Татьяна Александровна Алексеева

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 января 2017 <i>Принята к печати:</i> 1 ноября 2017</p>	<p>Аннотация: В настоящей статье автор рассматривает вопросы, связанные с онтологическими и эпистемологическими основаниями теоретико-международных исследований. Наука о международных отношениях отражает основные черты господствующих в ту или иную эпоху картин мира как способа научного познания. Понятие «картины мира» было сформулировано немецким философом Мартином Хайдеггером, а также целым рядом крупнейших ученых начала XX века М. Планком, А. Эйнштейном, Н. Бором, Э. Шредингером и др. Хотя определенный вклад в развитие наук был внесен еще в эпоху Античности и Средневековья, научная картина мира была сформирована только с переходом к Модерну, с выделением человека из природного мира. Опираясь на типологию научных картин мира, предложенную российским философом науки академиком В.С. Степиным, автор рассматривает специфику основных картин мира, следствием которых стала классическая, неклассическая и постнеклассическая наука. Вместе с тем, наука о международных отношениях с очень большим трудом принимает новое мировоззрение, в значительной части все еще оставаясь в ньютоновско-механистической картине мира. Хотя все же предпринимаются попытки вписаться в новые картины мира, разрыв между естественными и социальными науками продолжает оставаться крайне трудно преодолимым, а использование новейших мировоззренческих идей фрагментарным и даже маргинальным. Именно поэтому новая попытка нахождения баланса между традициями и инновациями, которую предпринял один из наиболее известных конструктивистов Александр Вендт своей новой книгой «Квантовый разум и социальная наука» заслуживает внимательного прочтения и анализа.</p>
<p>Об авторе: д.филос.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующая Кафедрой политической теории, МГИМО МИД России e-mail: Ataleks@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: научная картина мира; классическая наука; неклассическая наука; постнеклассическая наука; теория международных отношений; позитивизм; нормативизм; политическая философия; единство наук; конструктивизм; квантовая физика</p>	

Осмысление проблем взаимодействия государств и народов с древних времен находилось в центре внимания философской мысли, хотя долгое время происходило это довольно непоследовательно, фрагментарно, однако, в целом, отражало доминирующие представления об окружающем мире. Начало изменения ситуации было положено с переходом к Модерну, утверждением ньютоновской механистической картины мира, выявлением субъектно-объектных отношений. Приблизительно с XVI–XVII вв. начинается формирование философских оснований для будущих «больших» теорий международных отношений (Т. Гоббс,

Дж. Локк, И. Кант и др.) – процесс, занявший более трех столетий, причем процесс весьма противоречивый, дискретный и скачкообразный.

Неудивительно, поэтому, что у международных исследований не раз возникали некоторые проблемы с утверждением своего статуса в качестве рациональной науки, имеющей собственное исследовательское поле, методологию и основания. Как подчеркивает академик В.С. Стёпин: «В каждой специальной области науки (в каждой подсистеме развивающегося научного знания) – физике, химии, биологии и т.д. (и теория международных отношений не является

исключением – прим. автора) – в свою очередь, можно обнаружить многообразие различных форм знания: эмпирические факты, законы, гипотезы, теории различного типа и различной степени общности. Все эти разнообразные виды знания организованы в целостность благодаря основаниям, на которые они опираются. Основания определяют стратегию научного поиска и опосредуют включение его результатов в культуру соответствующей исторической эпохи. Именно в процессе формирования, перестройки и функционирования оснований науки наиболее отчетливо прослеживаются социокультурная размерность научного познания¹.

Признаком нередко возникавшего замешательства, в том числе, и по поводу оснований, стали периодически вспыхивающие дебаты вокруг отношений между идеями и материальными условиями, деятельностью агентов (людей, групп, институтов, государств и т.д.) и социальной структурой, или, иначе, натурализмом (т.е. философским направлением, которое рассматривает природу как универсальный принцип объяснения всего сущего) и антинатурализмом, эмпиризмом и интерпретативизмом и т.д. Это несогласие даже вызвало неоднократно всплывающий скептицизм в отношении самой способности науки о международных отношениях к научному познанию и прогрессу.

Между тем, философские основания всякой науки – это своего рода «мост» между философским и научным знанием. Философские идеи и принципы обосновывают онтологические постулаты науки, а также идеалы и нормы познания. Именно они раскрывают эвристику научного поиска и позволяют обосновать, узаконить полученные в его процессе выводы, т.е. прояснить новые онтологии и представления о возможном методе поиска истины.

¹ Стёпин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность / Электронная библиотека. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0 [Stepin, V.S. Osnovaniia nauki i ikh sotsiokul'turnaia razmernost' (Foundations of Science and Its Social-Cultural Dimensions) / Elektronnaia biblioteka. Mode of access: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0]

Стремясь определить фундамент для своей области знания, международники обычно обращались к философии науки. Однако это обращение также не всегда приносило нужную уверенность. Философия науки – относительно молодая дисциплина, по существу она начала складываться лишь с середины XIX столетия, т.е. фактически ненадолго опередила и развивалась во многом параллельно с теорией международных отношений. Более того, сама философия науки пребывает в состоянии нескончаемых дискуссий и не раз переживала расколы в отношении природы, возможностей и даже желательности наличия философских оснований для науки и знания. Более того, споры затрагивают, например, в «западной» научной традиции, чуть ли не все социальные науки, например, не только социальную философию (Ричард Рорти, Хиллари Патнэм, В. Квайн и др.), но также антропологию (Клиффорд Гирц и Виктор Тёрнер), историю (Хэйдэн Уайт), социологию (вся теория познания и этнометодология), герменевтику (Мартин Хайдеггер, Ханс-Георг Гадамер и Жак Деррида), теорию права (Барбара Х. Смит, Уолтер Михаэлс, Стивен Кнапп² и т.д. Среди международников, как следствие, может быть проведена разделительная линия между теми из них, кто предполагает наличие общего фундамента, основания, позволяющего сравнивать, сопоставлять и оценивать (фундаментализм), и теми, кто считают, что такого основания нет или его роль минимальна (антифундаментализм).

Скажем сразу, первых – большинство. Как это ни парадоксально, в конце концов, чуть ли не каждый подход в исследовании международных отношений хотя бы попытается найти хорошо обоснованное философское основание для того, чтобы узаконить и подтвердить легитимность своих теоретических построений. И, тем не менее, международникам придется признать тот факт, что не существует Архимедовой точки опоры, из которой они могли бы сдвинуть Землю – дебаты вокруг философских оснований тео-

² Brint, M.; Weaver, W.; Garmon, M. What Difference Does Anti-Foundationalism Make to Political Theory? // *New Literary History*, 1995, No. 26(2), 225 p.

рий и подходов не могут быть разрешены раз и навсегда, а стало быть, будут и впредь постоянно сопровождать международные исследования. Отсюда – неизбежный вывод о том, что создание единой теории международных отношений как социальной теории бесполезно, особенно в связи с тем, что не существует единой теории реальности.

Сравним подходы двух крупнейших немецких философов – Иммануила Канта и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Кант выдвинул идею *универсального* закона как точку отсчета при рассмотрении индивидуальных действий и политики. По Гегелю, такой референтной точкой становится *партикулярное* бытие индивида или государства. Главное различие лежит в их онтологии: если Кант рассуждал о человеке и человечестве, Гегеля интересовало, прежде всего, отдельное национальное государство, его благоденствие и сила. Иными словами, они предполагали разный «образ» мира, разное представление о реальности – в первом случае речь шла об общей ассамблее народов и сообществ, во втором – об отдельных, индивидуальных единицах. У них было также разное интеллектуальное происхождение, на которое они опирались. Кантовский вариант опирался на космос универсальных антропологических, религиозных, политических и этических концептов, которые позволили сформировать универсальный взгляд на человечество и человека. Гегелевский, – на партикуляристские концепты национального «Я», национального интереса, суверенитета государства, национальной морали, т.е. онтологию, опирающуюся на самоподдерживающиеся единицы.

С течением времени универсалистский взгляд на реальность был оттеснен, а на первый план вошли партикуляристские представления о международной действительности (забегая вперед, скажем, что универсализм вновь обрел некоторую привлекательность на фоне изучения глобализации, но не смог до сего момента реально оттеснить партикуляризм).

Международные исследования сегодня во многом опираются на дуализм своей собственной нации («Я») и «других» национальных государств. В его основе лежит предпо-

сылка, что эти единицы сконструированы в качестве коренных онтологических зафиксированных точек межгосударственных отношений. Эпистемология XIX–XX вв., пришедшая на смену универсализму, строилась на вере в существование внешней реальности и постоянных структур, которые создают условия и формируют детерминации международных отношений и внешней политики отдельных национальных государств. Как это ни парадоксально, такая внешняя реальность и структуры формируются ни чем иным как самими национальными государствами. Именно благодаря партикуляристской онтологии и эпистемологии в XIX веке возникла *позитивистская методология*, которая в отличие от традиционной герменевтики, интерпретативной и спекулятивной метафизики, рассматривала «внешнюю реальность» и структуры международной политики в целом, как объективные и объективируемые, измеряемые и выраженные количественно.

Параллельно шел процесс концептуализации, утверждения и раскрытия базовых понятий, с помощью которых можно было выстроить международную сферу (национальное государство, национальный интерес, сила, баланс сил, сотрудничество, солидарность, режим и т.д.). Иными словами, со временем стало возможным организовать единичные и множественные данные, подведя их под какой-то тип объединяющего их концепта. Например, договора, дипломатические конференции, вооруженные столкновения и т.д. можно было исследовать через понятия «национального интереса» или «силы»; международное сообщество – через концепты общества и сообщества и т.д. Но всякое претендующее на научность обобщение, в конце концов, происходит не в замкнутой среде, а на фоне научных и культурных традиций своего времени, в контексте более широкого, общенаучного мировоззрения, а, стало быть, несет на себе неизгладимую печать господствующей картины мира.

Картина мира – это своего рода полотно, холст, на котором воспроизводится все существующее. Крупнейший немецкий философ Мартин Хайдеггер в статье «Время картины мира» разъяснил, что, рассуждая о

картине мира³, мы в первую очередь думаем об изображении. Как изображение она предполагает не буквальную копию с оригинала, а фиксацию черт, которые мы считаем наиболее существенными, значимыми. А это означает, что мы имеем дело с конструкцией, создание которой предполагает какую-то точку отсчета, а именно автора или зрителя, дистанцированного от объектов, изображенных на картине, или иначе, трансформацию участия и проживания в наблюдение и репрезентацию. Такой подход подразумевает как утрату некоторой близости или интимной связи с окружающими нас вещами, так и возможность объективации отношения к ним. С его точки зрения, нельзя говорить об античной или средневековой картине мира, так как человек все еще был включен в природный мир, не противопоставлял себя ему. Поэтому невозможно рассмотрение его как картины или *изображения, отъединенного от человека*. Это становится возможным только для человека *Модерна*, когда зарождается субъект-объектное отношение, а мысль участвует либо в процессе отражения (рефлексии), либо конституирования.

Вопрос о существовании научной картины мира и ее месте в структуре научного знания был поставлен не только Мартином Хайдеггером как философом, но и такими крупнейшими физиками как М. Планк, А. Эйнштейн, Н. Бор, Э. Шредингер и некоторыми другими. Альберт Эйнштейн представил физическую картину мира как особый компонент теоретического знания, который отличается от конкретных физических теорий и в то же время объединяет данные теории, обеспечивая их синтез. Всякая картина мира упрощает и схематизирует действительность. И до какого-то момента позволяет отождествлять картину мира с самим миром, с реальностью. Новые открытия приводят к крушению «старой картины мира» и появлению и постепенному утверж-

дению новой, но и это лишь одна из ступеней эволюции человеческого познания, означавшие также смену типов рациональности.

Научная картина мира включает в себя множество теорий, раскрывающих известный человеку природный мир. Поскольку это системное образование, ее изменение нельзя свести ни к какому одному, пусть и самому крупному научному открытию или изобретению. Фундаментальная теория конкретной науки может превратиться в научную картину мира, только если ее исходные понятия и принципы приобретут общенаучный и мировоззренческий характер. Как правило, речь идет о целой серии взаимосвязанных открытий в главных фундаментальных науках. Эти открытия почти всегда сопровождаются радикальной перестройкой методов исследования, а также значительными изменениями в самих нормах и идеалах научности. Общую картину мира вырабатывает наука, лидирующая в естествознании (обычно это – физика), а специальные науки формируют собственные картины мира вслед за ней. В этой оптике мы можем утверждать, что исследование международных отношений, с одной стороны, неизбежно отражает сменяющие друг друга общенаучные картины мира, а с другой, стремится сформировать собственную картину мира, впрочем, также подверженную неизбежной исторической эволюции и трансформациям.

Ньютоновская «классическая» картина мира. С переходом к Модерну вера в науку начала шаг за шагом заменять веру в Бога, постепенно исчезающего из средневековой «триады» (в конце XIX столетия в работе «Веселая наука» немецкий философ Фридрих Ницше подведет итог этому процессу, провозгласив, что «Бог умер»). Остались только «человек» и «мир». В целом эпоха ньютоновской картины мира и позднее Просвещения дали миру совокупность научных идей, положив в основу разум как главный источник власти и легитимности, выдвинула идеалы свободы, прогресса, религиозной терпимости, братства, и, наконец, конституционного правления как противоположности абсолютной монархии и однозначно зафиксированным религиозным догмам.

³ Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика. 1993. – С. 41–63. [Hajdegger, M. Vremya kartiny mira / Hajdegger, M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya (Time and Being: Articles and Presentations). Moscow: Respublika, 1993. Pp. 41-63.]

Именно с этого времени субъект и объект – фундаментальные философские категории. Так, субъект – это личность, социальная группа, государство, общество. Объект – явление, вещь, процесс, на которые направлена практическая или познавательная деятельность субъекта-наблюдателя. В качестве объекта может выступать и сам субъект. Отныне мир можно было рассматривать как картину. Субъект (наблюдатель) смотрит на него со стороны и пытается выделить самые важные штрихи и мазки. Постепенно ученые, а вслед за ними и общественность поверили, что с помощью простых сил действующих между неизменными объектами можно объяснить все явления природы, а позднее – и социальной жизни.

Большинство исследователей эпохи «классической науки» пришли к заключению, что существует полное соответствие фундаментальных понятий, подтвержденных опытом, феноменам, элементам и явлениям внешнего мира. Атом представлялся неделимым, пространство и время абсолютным. Опытное подтверждение этих абстрактных понятий в реальности не вызывало сомнений, а наука воспринималась как точное отображение действительности. Процедуры воспринимались как неизменные, из опыта вытекали онтологические принципы, на основе которых создавались теории, позволявшие объяснить эмпирические факты через механистические причины и носители жестко детерминирующих сил. Познание рассматривалось как наблюдение и эксперимент. Считалось, что свойства целого целиком определяются свойствами его частей, соответственно даже крупные объекты следовало сводить к небольшому числу элементов. Причиной изменения состояния движения тела выступает внешнее воздействие на него.

Предполагался редукционизм – сведение сложного к простому. Объяснительный эталон – однозначная причинно-следственная зависимость. Каждый объект описывался изолированно в строго заданной системе координат. Наука стремилась убрать субъекта из процесса познания – мир объективен, – все окружающее изучается в соответствии с требованиями объективности.

Новые идеи пришли не только в науку, но и в политику и стали политическим символом – подобно тому, как Солнце отныне стало центром мироздания, король Франции Людовик XIV получил имя «короля-солнце». По мере углубления и интенсификации международных связей, выхода крупнейших европейских держав в мировой океан, утверждения империализма потребность в систематическом теоретическом осмыслении международных процессов и явлений становилась все более очевидной, равно как и попытки последующего превращения его в науку. Как считается, первая социальная наука, а именно экономика Адама Смита, появилась лишь спустя сто лет – после Ньютона, когда в 1776 году⁴ он издал свою книгу «Исследование о природе и причинах богатства народов», что предопределило не только ее отставание от естественных наук, но и неизбежность постоянных попыток обращения к их методам.

Таким образом, «классической» науке, утвердившейся на три с лишним столетия, был присущ детерминизм (жесткие причинно-следственные связи); неизменность пространственно-временных характеристик, линейный характер изменения объектов, закономерности происходящего, взаимосвязь всех явлений в мире и т.д. Если мы посмотрим на развитие науки о международных отношениях, то легко увидим отражение в целом ряде ее подходов «механистической» картины мира, что особенно ярко проявлялось в политическом реализме. Механистически-детерминистское мировоззрение, вытекающее из ньютоновской картины мира, оказало сильнейшее влияние на эпистемологию и методологию международных исследований, на многие десятилетия заставив поверить в то, что мир состоит из независимых фрагментов, взаимодействие между которыми есть результат взаимодействия различных сил и препятствовавшего сближению этих частиц⁵.

⁴ Канке В.А. Общая философия науки. – М., Омега-Л 2009. – С. 7. [Kanke, V.A. Obshchaya filosofiya nauki (The General Philosophy of Science). Moscow, Omega-L 2009. P. 7]

⁵ См. Penttinen, Elina. Joy and International Relations. A New Methodology. London: Routledge, 2013. P. 2.

Критерий «научности», в свою очередь, был тесно связан с зарождением и утверждением в академической среде позитивизма (спустя чуть меньше столетия – неопозитивизма), влияние которого на международные исследования трудно переоценить. К концу XIX столетия создалось даже впечатление, будто «классическая физика» – «мать всех наук» предоставила в распоряжение исследователей уже полный набор законов, охватывающих все явления природы. Совместно с математикой она встала во главе технологий и эмпирического познания, а ее открытия составили базу исследований в других дисциплинах. Однако и в физике начинались процессы поиска новых философских оснований и методологий исследования. Научная картина мира начинает дробиться. «...*Специализация* в сфере научного знания и *автономизация* наук являются проявлением общей тенденции, характерной для становления системы наук о природе и обществе, – подчеркивает отечественный философ В.Н. Росторгуев. – Под автономизацией наук... понимается достаточно высокая степень их обособления, что является закономерным следствием лавинообразного роста объемов поступающей информации, которая останется мало доступной без ее селекции и систематизации по отраслевому принципу»⁶. Как следствие, гетерогенность наук вынудила начать размышлять, во-первых, над проблемой синтеза знаний и, во-вторых, над классификации самих наук.

Таким образом, «классической», ньютоновской науке присуще признание взаимосвязи всех явлений; всеобщность выявленных законов; жесткие причинно-следственные отношения; неизменность пространственно-временных размеров; следование принципам геометрии Эвклида; линейный характер

всякого изменения объектов; приоритет необходимости над случайностью; объективность знания; универсальность методов познания; и т.д.

Эйнштейновско-картезианская «неклассическая» научная картина мира была обусловлена серией фундаментальных открытий (сложной структуры атома, явления радиоактивности, дискретного характера электромагнитного излучения, квантовой теории в физике, генетики в биологии, кибернетики, теории систем и т.д.). Это был настоящий «взрыв» в познании. Казалось, что ниспровергалось чуть не все, достигнутое науками за предшествовавшие эпохи.

«Неклассическая» картина мира отныне строилась на оспаривании универсальности законов классической механики. Она отвергла ее жесткий детерминизм, причинно-следственные связи. Теория относительности Эйнштейна выработала новые понятия, расширила с их помощью кругозор ученых, придала картине мира единство, которого не было в предшествующей, ньютоновской механистической картине. Русский ученый В.И. Вернадский вообще показал, что исследование физической реальности – лишь один из способов познания мира, для получения полной картины необходимо включение множества элементов, включая живое («натуралистическая картина мира»).

Иными словами, вместо одной-единственной истинной теории отныне допускалось существование нескольких, отличающихся друг от друга, но дающих возможность приблизиться к истинному знанию. Большое значение отныне придавалось корреляции между онтологическими постулатами науки и методами исследования (в квантово-релятивистской физике), в частности, учета особенностей средств наблюдения, вступающих во взаимодействие с объектом исследования. В трудах А. Эйнштейна, М. Борна, В. Гейзенберга, Н. Бора и др. все более отчетливо звучала мысль о том, что наши представления о физическом мире зависят от положения самого познающего субъекта и от специфики его познавательных средств. Помимо исторической изменчивости знания и относительности научных выводов, картина мира включала

⁶ Росторгуев В.Н. Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины // Философия политики и права. Сборник научных работ. МГУ. Выпуск 1. – М.: МГУ 2010. – С. 15–39. [Rostorguev, V.N. Predmetnaya oblast' filosofii politiki kak nauchnoj i vuzovskoj discipliny (The Subject Sphere of the Philosophy of Politics as a Scientific and University Discipline) // Filosofiya politiki i prava. Sbornik nauchnyh rabot. MGU. Vypusk 1. Moscow: MGU 2010. Pp. 15-39.]

теперь и субъекта, не дистанцирующегося от мира, а включенного в него, причем ответы на вопросы оказываются в зависимости от вопросов, которые ставит исследователь. Отсюда – иное понимание объективности, истины, теории, факта и т.д. Открылась возможность изучения сложных саморегулирующихся систем. В новой оптике природа отныне рассматривалась как сложная динамическая система. Одновременно формировались новые философские представления об основаниях науки.

Целое уже более не было просто совокупностью частей, будучи рассматриваемым как система. Важную роль начинает играть фактор случайности, появляется вероятностная причинность. Более того, сам объект – более уже не вещь, а процесс, отчасти устойчивый, отчасти изменчивый.

Наконец, социальные науки прекратили быть просто реципиентами методов и идей «естественных наук», а начали вводить свои метафоры в науки о природе («тело», «машина», «рынок», и т.д.).

В целом, «неклассическая» картина мира предполагала переосмысление ряда представлявшихся ранее незыблемыми постулатов: пространство и время отныне воспринимались как относительные; детерминизм приобрел вероятностный характер; необходимость и случайность обрели равноправие, признавалась их взаимодополняемость; множественность интерпретаций концептов и методологий; одновременное сосуществование нескольких теорий, претендующих на истинность и т.д.

Позднее, в последнюю треть XX столетия начала формироваться новая картина мира *постнеклассической* науки.

Теоретики новой картины мира пришли к несколько обескураживающему выводу: несмотря на все успехи, достигнутые науками, абсолютно полную и достоверную научную картину мира не удастся создать никогда, любая из них обладает лишь относительной истинностью. По мнению Ильи Романовича Пригожина, бельгийского физика российского происхождения, лауреата Нобелевской премии 1977 года, сущность происходящей в наши дни

научной революции состоит, с его точки зрения, в том, что современная наука опровергает детерминизм и настаивает на том, что креативность проявляется на любом уровне природной организации. Природа содержит нестабильность как существенный элемент; как правило, имеет место не единичная бифуркация, а целые их каскады, подталкивающие развитие нередко под влиянием незначительного, случайного фактора. В результате возникают новые непредсказуемые макроструктуры, поэтому мы не можем прогнозировать, что произойдет: будущее открыто. Более того, «конец определенности» предполагает, что мир продолжает видоизменяться, причем даже индивидуальные действия могут оказаться существенными. Достаточно лишь небольшого энергетического воздействия («укола»), чтобы система перестроилась, и возник новый уровень организации.

Тем самым, в центр своих взглядов Пригожин поставил «наведение моста между бытием и становлением», «новый синтез» этих двух важнейших «измерений» действительности, двух взаимосвязанных аспектов реальности, однако при решающей роли здесь времени (становления). Вследствие этого мы вступаем в новую эру в истории времени (которое «проникло всюду»), когда бытие и становление могут быть объединены – при приоритете последнего. Если для классической науки пространство и время были абсолютны, то в новой картине мира отмечается многомерность пространственно-временных структур, их качественные различия, вызываемые специфической природой исследуемых объектов. «Отдельные политии и внутривнутриполитические образования развертываются, воспроизводятся и развиваются в своих собственных ритмах, темпах, – развивает эту мысль отечественный политолог Михаил Ильин. – Каждая полития возникает, живет и гибнет в своем собственном времени. У каждой свой исторический и эволюционный «возраст». Эта условная временная длительность существования, измеряемая не столько так называемым реальным временем, сколько накоплением информации об опыте воспроизведения

своих институтов или «памятью» об эпизодах и циклах своего существования»⁷.

Наука в целом предстает в виде древовидной ветвящейся графики, феноменом постнеклассической науки становится синергетика – общие закономерности явлений и процессов в сложных неравновесных системах на основе присущих им принципов самоорганизации.

Таким образом, мы вступаем в очередную глобальную научную революцию, связанную именно с постнеклассической наукой. Ключевые идеи постнеклассической науки, полагает российский академик В.С. Стёпин, – это нелинейность, коэволюция, самоорганизация, идея глобального эволюционизма, синхронистичность, системность⁸. Если раньше наука была сориентирована на исследование все более узкого фрагмента действительности, то теперь на первый план выходят широкие, междисциплинарные исследования, сочетающие фундаментальные и прикладные исследования. Происходит взаимодействие различных картин мира, созданных в разных дисциплинах, они становятся взаимозависимыми. Все чаще объектом интереса ученых становятся исторически развивающиеся системы, а не просто саморазвивающиеся. Человек, при этом, включается в систему, перед ними открывается «созвездие возможностей», но его выбор необратим и не может быть однозначно просчитан. Для исследования

такого рода систем начали применяться методы сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации, исторической реконструкции, теоретических схем и т.д. Таким образом, подчеркивает академик В.С. Стёпин, «Современная наука – на переднем крае своего поиска – поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки⁹».

В постнеклассической картине мира анализ природных явлений и процессов, также как и общественных структур предполагает исследование открытых нелинейных систем. При этом, важную роль играют как исходных условий, локальных изменений и фактора случайности, а также индивидов с их рациональными и иррациональными установками, искажениями вследствие опыта, культуры, склонностей и предвзятостей. Поэтому следует изучать как специфику деятельности, так и ценностных характеристик. Как следствие, в эволюционных, неравновесных, открытых и саморазвивающихся системах возникают многочисленные варианты последующего развития. Но тогда получается, что упорядоченность, структурность, закономерность также объективны, как неопределенность, стохастичность, альтернативность.

Следует обратить внимание и еще на одну сторону постнеклассической науки: если классическая и в значительной степени неклассическая науки опирались преимущественно на европейские культурные традиции, то постнеклассическая наука резонирует уже не только с «западными», но и с «восточными» мировоззренческими идеями, тем самым, открывая возможности для диалога культур и цивилизаций.

Однако мы должны оговориться, что переход к новой картине мира и изменение научного мировоззрения не происходил одномоментно. Это относительно длитель-

⁷ Ильин М.В. Включение новых государств в международные системы: сравнительный исторический анализ // Модернизация и политика: традиции и перспективы России / Политическая наука. Ежегодник РАПН. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 251-279. [Il'in, M.V. Vkluchenie novykh gosudarstv v mezhdunarodnye sistemy: sravnitel'nyj istoricheskij analiz (The Inclusion of the New States into the International Systems: Comparative Historical Analyses) // Modernizaciya i politika: tradicii i perspektivy Rossii / Politicheskaya nauka. Ezhegodnik RAPN. Moscow: ROSSPEHN, 2011. Pp. 251-279.]

⁸ Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с. [Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya ehvoluciya (Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution). Moscow: Progress-Tradiiya, 2000. 743 p.]

⁹ Там же. С. 636.

ный и довольно противоречивый процесс. Например, переход от ньютоновской к неклассической, а затем и постнеклассической картине мира еще отнюдь не завершен, в каком-то смысле мы все еще находимся в переходном периоде. Кроме того, картина мира обладает определенной инерционностью, она довольно долго утверждается и сохраняется, несмотря на новые открытия и идеи. Поэтому картина мира столь важна для методологии познания.

Это объясняет некоторое «отставание» политических наук, включая и теорию международных отношений, например, от социологии, значительно быстрее реагирующей на изменение картины мира. С упорством, достойным лучшего применения, теория международных отношений долгое время концентрировалась на механистическом подходе. Политика, несмотря на все рассуждения о глобализации, расширении агентской базы и т.д. в немалой степени остается в механистических эпистемологических рамках, существенно сужая саму сферу политического.

История, образы, символы и само повседневное мышление о политике по-прежнему вращается вокруг индивида как социального атома; а государства воспринимаются во многом как масса молекул, действующих в соответствии с ньютоновскими правилами XVII века, хотя политические теории рассуждают вроде бы о другом.

Можно привести бесчисленные примеры использования ньютоновской логики в политической теории и международных исследованиях. Поскольку англо-американские исследователи в целом доминируют в области теоретических исследований международных отношений. Посмотрим, как картина мира сказывалась на американском мировоззрении.

Историки неоднократно отмечали сильное влияние механистического мировоззрения на «отцов-основателей» США (они рассматривали индивидов как независимые единицы, акцентировали превосходство разума над эмоциями, рассуждали в духе причинно-следственного детерминизма). Томас Пейн даже утверждал, что все великие законы общества – это законы природы.

Вильям Беннетт Монро, профессор Гарвардского университета и президент Американской ассоциации политических наук в 1920-х гг., был одним из первых, кто признал, что американская политическая мысль находится под сильным влиянием ньютоновского мышления¹⁰.

В самом деле, почти на протяжении всего XX столетия американская политическая наука грешила довольно грубым эмпиризмом (например, Чарльз Мерриам в Чикагском университете и его последователи). Как и политология в целом, международные исследования также оказались в сфере эмпирицистского влияния.

Например, изучение международных отношений в большинстве университетов США в 1920–1930-е гг. шло просто через чтение соответствующих разделов газеты «Нью-Йорк Таймс». Задачей профессора стало, прежде всего, комментирование статей, посвященных событиям в разных частях света. Отсюда – ощущение чуть ли не реального участия студентов в международных делах. Такие профессора как Джордж Грэфтон Уилсон из Гарвардского университета и Квинси Райт из Чикагского даже предлагали своим студентам такое задание: «Что бы Вы сделали в этой ситуации, если бы были Государственным секретарем США»¹¹? Рассуждения, при этом, осуществлялись, как правило, в жестком механистическом ключе. А после отказа от «вильсонизма», если нормативность и присутствовала, то, как правило, просто в духе рассуждений о национальных интересах.

Трудно недооценить влияние такого стиля мышления на становление и развитие теории международных отношений – сформировавшиеся в таком духе «головы» из поколения в поколения занимали ответственные посты как в администрации США, так и в ведущих университетах, причем отнюдь не только американских. В конечном счете, встречающееся иной раз и сегодня, напри-

¹⁰ См. Becker, T.; Slaton, C.D. The Future of Teledemocracy. Westport, Praeger, 2000. 346 p.

¹¹ Thompson, Kenneth W. The Empirical, Normative, and Theoretical Foundations of International Studies, 1967. Mode of access: <http://www.cambridge.org/core/terms>

мер, в нашей академической среде агрессивное неприятие «теории» при рассмотрении международных событий, в немалой степени – результат этого влияния в развитии политических наук.

В области международных исследований атомистический подход особенно ярко проявился в неореализме с его идеей автономного равенства государств (Кеннет Уолтц). В той же логике предполагалось наличие единственного типа капиталистического способа производства, возможность модернизации, независимо от специфики государства, которую исповедовали ранние глобалисты 1970–1980-х гг.; сторонники демократизации по единственному образцу в период «Всемирной демократической волны» начала 1990-х гг. и т.д. Сегодня, когда мы наблюдаем рецидив интереса к неореализму на фоне ухудшения отношений между Россией и Западом, следует помнить, что одновременно это и возврат к логике международных отношений механистического мира, т.е. вроде бы ушедших веков.

Здесь важно, впрочем, сделать одну немаловажную оговорку и вспомнить знаменитый «принцип соответствия» датского физика, лауреата Нобелевской премии Нильса Бора: новая научная теория не отвергает полностью предшествующую, а включает ее в себя в качестве частного случая, то есть устанавливает для нее ограниченную область применения. Иными словами, научная картина мира не уничтожает предыдущую, а, являясь более широкой, как бы поглощает ее. В конце концов, любая теория представляет лишь отдельный аспект проявления многогранной реальности. Тем не менее, вспомним, что еще крупнейший английский ученый и писатель Чарльз П. Сноу в лекции, прочитанной в 1959 году в Кембриджском университете, признал, что разрыв в коммуникации между двумя культурными мирами – естественными и гуманитарными науками стал главной помехой при решении мировых проблем в послевоенном трансатлантическом обмене идеями¹².

¹² Freiro, Lucas G.; Koivisto, Marjo. *International Relations as a Social Science* - 2012. Режим доступа: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/documents/obo-9780199743292/obo-9780>

Но смогли ли международные – и шире, политологические, исследования отразить новые картины мира, сложившиеся еще в начале XX столетия? И да, и нет. Очевидно влияние самих критериев «научности», ярко проявившихся, например, в распространении бихевиорализма. Утверждение системной теории также может быть отнесено к утверждению Эйнштейновской картины мира, также как и увлечение статистическими исследованиями. В последнее время заметно усиление влияния ценностно-нормативных исследований, а также конструктивизма, воплощающего целый ряд новейших идей.

Тем не менее, хотя естественные науки в последнее время немало внимания уделяют саморефлексии, в особенности в форме в квантовой физике или теории относительности, а социальные науки разработали различные постпозитивистские и постэмпирические методологии, политическое по-прежнему преимущественно рассматривается в соответствии с механистической традицией. Развитие технологий, возможно, и позволило создать новые метафоры, отличающиеся от «классических» – государство как машина, государство как организм и т.д., и сегодня мы все чаще мыслим в терминах сетей или потоков, однако доминирующая политическая мысль по-прежнему структурируется вокруг ньютоновской оси. Иными словами, процесс вхождения политических наук в неклассическую и постнеклассическую эпоху отнюдь не прост, хотя попытки постоянно предпринимаются разными учеными-международниками (например, известнейшим конструктивистом Александром Вендтом, пытающимся рассматривать социальную науку под углом зрения квантовой физики¹³).

Разрыв между естественными и социальными науками продолжает оставаться крайне трудно преодолимым, а использование новейших мировоззренческих идей фрагментарным и даже маргинальным. Именно поэтому новая попытка нахождения баланса между традициями и инновациями,

¹³ См. Wendt, Alexander. *Quantum Mind and Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press. – 2015.

которую предпринял один из наиболее известных конструктивистов Александр Вендт своей новой книгой «Квантовый разум и социальная наука» заслуживает внимательно-го прочтения и анализа.

Литература:

Алексеева Т.А.; Минеев А.П.; Лошкарев И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 7–16.

Ильин М.В. Включение новых государств в международные системы: сравнительный исторический анализ // Модернизация и политика: традиции и перспективы России / Политическая наука. Ежегодник РАН. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 251–279.

Канке В.А. Общая философия науки. – М., Омега-Л 2009. – 354 с.

Росторгуев В.Н. Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины // Философия политики и права. Сборник научных работ. МГУ. Выпуск 1. – М.: МГУ 2010. – С. 15–39.

Стёпин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность / Электронная библиотека. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0

Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.

Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика. 1993. – С. 41–63.

Ashworth, Lucian M. A History of International Thought. From the Origins of the Modern State to Academic International Relations. London: Routledge. 2014. 306 p.

Becker, T.; Slaton, C.D. The Future of Teledemocracy. Wesport, Praeger, 2000. 346 p.

Behr, Hartmut. A History of International Political Theory. N.Y.: Palgrave, Macmillan. 2010. 302 p.

Brint, M.; Weaver, W.; Garmon, M. What Difference Does Anti-Foundationalism Make to Political Theory? // *New Literary History*, 1995, No. 26(2), 225 p.

Freiro, Lucas G.; Koivisto, Marjo. International Relations as a Social Science - 2012.- Режим доступа: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/documents/obo-9780199743292/obo-9780>

Penttinen, Elna. Joy and International Relations. A New Methodology. London: Routledge, 2013. 152 p.

Thompson, Kenneth W. The Empirical, Normative, and Theoretical Foundations of International Studies, 1967. Mode of access: <http://www.cambridge.org/core/terms>

Wendt, Alexander. Quantum Mind and Social Science. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 354 p.

References:

Alekseeva, T.A.; Mineev, A.P.; Loshkarev, I.D. «Zemlya smyateniya»: kvantovaya teoriya v mezhdunarodnyh otnosheniyah? (“The Land of Confusion”: Quantum Theory in International Relations?) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, No. 3 (48), pp.7-16.

Ashworth, Lucian M. A History of International Thought. From the Origins of the Modern State to Academic International Relations. London: Routledge. 2014. 306 p.

Becker, T.; Slaton, C.D. The Future of Teledemocracy. Wesport, Praeger, 2000. 346 p.

Behr, Hartmut. A History of International Political Theory. N.Y.: Palgrave, Macmillan. 2010. 302 p.

Brint, M.; Weaver, W.; Garmon, M. What Difference Does Anti-Foundationalism Make to Political Theory? // *New Literary History*, 1995, No. 26(2), 225 p.

Freiro, Lucas G.; Koivisto, Marjo. International Relations as a Social Science - 2012.- Режим доступа: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/documents/obo-9780199743292/obo-9780>

Heidegger, M. Vremya kartiny mira / Hajdegger, M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya (Time and Being: Articles and Presentations). Moscow: Respublika, 1993. Pp. 41-63.

I'in, M.V. Vvlyuchenie novykh gosudarstv v mezhdunarodnye sistemy: sravnitel'nyj istoricheskij analiz (The Inclusion of the New States into the International Systems: Comparative Historical Analyses) // *Modernizatsiya i politika: tradicii i perspektivy Rossii / Politicheskaya nauka. Ezhegodnik RAPN.* Moscow: ROSSPEHN, 2011. Pp. 251-279.

Kanke, V.A. Obshchaya filosofiya nauki (The General Philosophy of Science). Moscow, Omega-L 2009. 354 p.

Penttinen, Elna. Joy and International Relations. A New Methodology. London: Routledge, 2013. 152 p.

Rostorguev, V.N. Predmetnaya oblast' filosofii politiki kak nauchnoj i vuzovskoj discipliny (The Subject Sphere of the Philosophy of Politics as a Scientific and University Discipline) // *Filosofiya politiki i prava. Sbornik nauchnyh rabot.* MGU. Vypusk 1. Moscow: MGU 2010. Pp.15-39.

Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya ehvolyuciya (Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution). Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 743 p.

Stepin, V.S. Osnovaniia nauki i ikh sotsiokul'turnaia razmernost' (Foundations of Science and Its Social-Cultural Dimensions) / *Elektronnaia biblioteka.* Mode of access: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0

Thompson, Kenneth W. The Empirical, Normative, and Theoretical Foundations of International Studies, 1967. Mode of access: <http://www.cambridge.org/core/terms>

Wendt, Alexander. Quantum Mind and Social Science. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 354 p.

THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MIRRORS OF “SCIENTIFIC WORLD PICTURES”: WHAT’S NEXT?

Tatiana A. Alekseeva

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 10 January 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 1 November 2017</p>	<p>Abstract: The author regards in this article the questions, which are connected with the ontological and epistemological foundations of the theoretical international studies. IR as science reflects the main features of the dominating at the epoch scientific world pictures as the way of cognition. As the term “scientific world picture” was formulated by the German philosopher Martin Heidegger as well as by the most prominent scholars of the first part of the 20th century – by M. Planck, A. Einstein, N. Bohr, E. Schrödinger etc. Even if some contribution in the development of sciences was done already in the period of Antiquity and Middle Ages, the scientific world picture was formulated only with the transition to Modernity, with the exude of the human being from nature. Being based on the typology, done by the Russian academician philosopher V.S. Stepin . the author regards the specifics the main scientific world pictures, and their consequences in the classical, non classical and post non classical science. By the way, the IR science with great difficulties accepts the new worldview, at its main part still functioning in a sense of the Newtonian mechanistic world picture. Even if the attempts have been made to be fitted into the new scientific world pictures, the gap between the natural and social sciences is still difficult to overcome, and the usage of the newest world view ideas is still fragmented and even marginal. Because of that the latest attempt to find some balance between the traditions and innovations, by the most famous constructivist Alexander Wendt with his newest book “quantum Mind and Social Science” deserves through attention and analysis.</p>
<p>About the author: Dr. of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, Chair of the Department for Political Theory, MGIMO-University</p> <p>e-mail: Ataleks@mail.ru</p>	
<p>Key words: Scientific world picture; classical science; nonclassical science; post nonclassical science; theory of international relation; positivism; normativism; political philosophy; unity of science; constructivism; quantum physics</p>	

Для цитирования: Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 30-41.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41

For citation: Alekseeva, Tatiana A. Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v zerkalakh «kartin mira»: chto dal'she? (Theory of International Relations in the Mirrors of “Scientific Pictures of the World”: What’s Next?) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 4, pp. 30-41.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41